

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

На правах рукописи

НИКОЛЬСКИЙ Борис Михайлович

ИСТОКИ СЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
(трактат “О восьми частях слова” и греческие грамматики)

Специальность 10.02.03 “Славянские языки”

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 1995 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

НИКОЛЬСКИЙ Борис Михайлович

ИСТОКИ СЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
(трактат “О восьми частях слова” и греческие грамматики)

Специальность 10.02.03 “Славянские языки”

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 1995 г.

Работа выполнена в Отделе структурной типологии и сравнительно-исторического языкознания Института славяноведения и балканистики Российской Академии Наук

Научный руководитель - академик В. Н. Топоров

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук А. Ф. Журавлев

кандидат филологических наук Е. Э. Бабаева

Ведущая организация - кафедра классической филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Защита состоится «18» мая 1995 г. в 15⁰⁰ на заседании специализированного совета Д 002.97.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения и балканистики РАН (117334, Москва, Ленинский проспект, 32-А, корп. В).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института славяноведения и балканистики РАН

Автореферат разослан «7» апреля 1995 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

М. И. Ермакова

Диссертация посвящена анализу самого раннего из сохранившихся грамматических сочинений на славянском языке - трактата "О восьми частях слова" (XIV в., Сербия или Болгария) - и изучению его связи с греческой грамматической традицией. Возросший за последнее время интерес к ранней славянской теории языка и насущная необходимость помещения рассматриваемых ею категорий в контекст предшествовавшей ей греческой традиции, а также существенные изменения, произошедшие в наших представлениях об истории греческой лингвистики, определяют актуальность предпринятого исследования. Его научная новизна обусловлена попыткой перейти от поиска непосредственных источников трактата к анализу некоторых общих принципов, лежащих в основе греческого и раннего славянского языкознания. Объектом рассмотрения становятся поэтому не только сочинение "О восьми частях слова" и поздние византийские грамматики, но и гораздо более ранняя традиция (вплоть до лингвистического учения Древней Стои), до сих пор практически не привлекавшаяся для сопоставления со славянской теорией языка. Материалом исследования служат славянский трактат "О восьми частях слова" и доступные греческие тексты эллинистической и византийской эпох, посвященные лингвистической проблематике: фрагменты стоической диалектики; сочинения Аполлония Дискола (II в. н. э.) "О синтаксисе частей речи", "О местоимении" и "О наречиях"; трактат "Грамматическое искусство", приписываемый Дионисию Фракийскому (основная часть этого трактата датируется нами III - IV вв. н. э.); византийские схолии к трактату Дионисия; комментарии Георгия Херовоска (ок. VIII - IX вв.) и патриарха Софрония Александрийского (IX в.) к "Канонам" Феодосия; появляющиеся с XII века грамматики в форме вопросов и ответов (зротематы); произведения византийского ученого Максима Плануда (кон. XIII в.); трактат "О восьми частях речи" Феодора Продрома (XII в.). Кроме того, в некоторых случаях полезным оказывается обращение к наиболее популярным в Средние Века латинским текстам - к "Грамматикам" Доната и Присциана. Демонстрация основных принципов анализа языка в различных течениях греческой грамматической традиции и определение места первого славянского памятника по отношению к этой традиции является конечной целью

работы. Однако для помещения исследуемого славянского сочинения в контекст греческой теории языка необходимо решить целый ряд конкретных задач. Среди них:

- поиск всех возможных греческих параллелей для каждого фрагмента славянского текста, выявление греческих терминов и определений, воспроизводимых славянским автором;

- анализ структуры самого славянского сочинения, представляющего собой компиляцию; определение компиляционных “швов” и частей, из которых “склеен” текст;

- установление источников для различных частей славянского текста; анализ способов воспроизведения источников в той или иной части; определение места, которое занимает заимствованный из каждого источника материал в композиции славянского памятника.

Основанный на решении этих задач анализ текста позволяет определить специфику лингвистической концепции трактата “О восьми частях слова”. Кроме того, из данного славянского сочинения оказывается возможным извлечь дополнительные данные о грамматической теории в Византии, и эта новая информация способна до некоторой степени изменить традиционный взгляд на систему греческой языковой теории и на распространение в Византии тех или иных лингвистических идей. В этом заключается теоретическая значимость работы и ее практическая приложимость: ее выводы могут быть использованы при подготовке и чтении курсов по истории древнегреческого, византийского и раннего славянского языкознания.

Апробация работы. Основные положения диссертации были доложены на заседаниях отдела структурной типологии и сравнительно-исторического языкознания Института славяноведения и балканистики РАН, а также на научных конференциях “Кирилло-Методиевские чтения” (Москва, май 1993 г.) и “Диалог в культуре и истории” (Москва, октябрь 1993 г.).

Последовательность выполнения перечисленных выше задач определила и структуру работы, состоящей из четырех разделов.

В первом разделе (“Введение”) дается краткая характеристика исследований, посвященных трактату “О восьми частях слова” и ранней славянской теории языка, а также предлагается общее описание истории греческого языкознания в период поздней античности и в византийскую эпоху. Особое

внимание, уделяемое в этой части работы греческой теории языка, объясняется тем, что именно пересмотр многих “незыблемых” положений традиционной истории греческой лингвистики позволяет по-иному взглянуть на славянский памятник и заставляет отказаться от некоторых из методологических принципов, лежащих в основе единственного по сей день комментария к исследуемому сочинению - комментария, написанного сто лет тому назад Ягичем (1896).

Для изучения средневековой греческой и славянской грамматики особенно важным представляется вопрос о взаимоотношениях между двумя лингвистическими традициями, одна из которых восходит к “Грамматике” Дионисия Фракийского, а другая - к синтаксическим трактатам Аполлония Дискола. Согласно точке зрения, еще недавно разделявшейся практически всеми исследователями, в основе всей греческой теории языка лежит “Грамматическое искусство” Дионисия Фракийского, созданное во II в. до н. э. и представляющее собой грамматический учебник, в котором последовательно разбираются проблемы орфографии и просодии и дается подробная морфологическая характеристика частей речи. Синтаксическое учение, разработка которого связывается с именем Аполлония, согласно той же традиционной интерпретации занимало в греческом языкознании весьма незначительное место. По мнению некоторых ученых, трактаты Аполлония изобилуют морфологическими вставками, свидетельствующими о том, что синтаксис в это время еще не был самостоятельным разделом грамматического учения. Кроме того, целый ряд исследователей ставит под сомнение знакомство византийских ученых с трудами Аполлония. Таким образом, в традиционной истории греческого языкознания произведения Аполлония представляются маргинальными и не оказавшими никакого влияния на последующую теорию языка ответвлениями от традиции, восходящей к Дионисию Фракийскому.

Не так давно, однако, аутентичность труда Дионисия была поставлена под сомнение (Di Benedetto 1959; Pinborg 1975). Если принять новую датировку основной части текста Дионисия - III - IV вв. н. э., - то картина формирования греческой грамматики получает совершенно иной вид. Создателями грамматической теории оказываются в этом случае стоики и александрийцы I в. до н. э., тесно связанные со стоической школой - в первую очередь, Трифон.

В некоторых исследованиях последних лет был доказан преобладающий синтаксический характер лингвистической теории стоиков и александрийцев, обусловленный спецификой подхода к языку всей предшествовавшей философской, риторической и поэтиковедческой традиции (Гринцер 1991). Если исходить из этого взгляда на раннее греческое языкознание, то следует признать, что сочинения Аполлония Дискола находятся отнюдь не на периферии античной грамматической теории, сформировавшейся и развивавшейся под знаком господствовавшей морфологии, но являются наиболее полным отражением ранней лингвистической традиции, ориентированной в первую очередь на изучение синтаксиса. Произведение же, приписываемое Дионисию Фракийскому, можно считать позднейшей адаптацией того же лингвистического учения, которая появилась в тот момент, когда возникла потребность в каноническом школьном учебнике.

Следует также заметить, что огромное количество прямых и косвенных ссылок в византийских грамматиках на труды Аполлония заставляет усомниться и во втором из названных выше постулатов традиционной лингвистической историографии - в постулате, гласящем, что византийская теория языка основывалась исключительно на "Грамматике" Дионисия (беспорные факты, свидетельствующие о популярности текстов Аполлония в Византии, и прежде заставляли некоторых исследователей отказываться от этого постулата - см., напр., Mango 1975, 9; Jenkins 1963, 43). Если предположить, что сочинение, приписываемое Дионисию, является конспективным и формализованным изложением той теории языка, которая более полно представлена в трактатах Аполлония, то картина обучения грамматике в средневековых греческих школах, по-видимому, выглядела так: "Грамматика" Дионисия служила простейшим учебником, который комментировался и объяснялся с помощью текстов Аполлония.

Проблема ориентации автора трактата "О восьми частях слова" на сочинения Дионисия и Аполлония находится в центре филологического анализа славянского текста, предлагаемого во втором разделе диссертации ("«О восьми частях слова»: анализ текста"). Композиция этого раздела непосредственно соотносится с композицией исследуемого трактата: в нем последовательно разбирается описание четырех частей речи (имени, глагола,

причастия и артикля). В данной части работы предпринята попытка интерпретировать с помощью приведения греческих параллелей довольно большое количество фрагментов славянского памятника, которые ранее не были поняты или понимались не совсем верно. Чтобы продемонстрировать метод, используемый при анализе текста, стоит остановиться на двух местах сочинения “О восьми частях слова”, в которых достаточно хорошо видна специфика данного текста.

Во-первых, это - порядок, в котором автор перечисляет падежи. В нескольких фрагментах падежи приводятся в довольно необычной последовательности: именительный - родительный - винительный - дательный - звательный (напр., 1b20-21). Винительный падеж вместо того, чтобы занимать положенное ему место между дательным и звательным, оказывается вдруг сразу после родительного. Такой порядок никак нельзя считать случайной ошибкой: в этой части текста (т. е. с начала текста до 3b2 - до того момента, когда автор начинает разбирать акциденции имени по Дионисию) он еще неоднократно повторяется, причем семь из девяти приводимых парадигм склонения содержат именно такую последовательность падежей. С другой стороны, во всех прочих частях текста, когда речь заходит о падежах (4a21-4b1; 7b4сл.; 8a15сл.), они приводятся в обычном порядке (именительный - родительный - дательный - винительный - звательный).

В связи с этим, естественно, возникает вопрос: откуда автор мог заимствовать такую довольно странную последовательность падежей? В греческой грамматике был распространен обычный порядок: ὀρθή “прямой падеж”, γενική “родительный”, δοτική “дательный”, αἰτιατική “винительный”, κλητική “звательный”. Он встречается везде - у Дионисия, в схолиях к Дионисию, в различных образцах склонения (например, в “Канонах” Феодосия) и т. д.. Повидимому, эта последовательность представлялась естественной и Аполлонию Дисколу. Например, говоря о разделении глаголов на классы в зависимости от их управления, Аполлоний перечисляет падежи именно в такой последовательности (“Синтаксис”, 283).

Что касается того порядка падежей, с которым мы сталкиваемся в славянском тексте, то о нем мы располагаем куда более скудными сведениями. В греческих грамматических сочинениях он упоминается, пожалуй, только один раз: византийский

грамматик Херовоск сообщает о том, что есть некоторые ученые, утверждающие, что винительный падеж следует за родительным (I 103 Gaisford).

Однако в “Синтаксисе” Аполлония Дискола удалось обнаружить одно место, где дважды имплицитно присутствует именно эта интересующая нас последовательность (“Синтаксис”, 177). Поэтому не исключено, что Аполлоний был знаком с обеими последовательностями падежей. Какая из них появилась раньше, какая была более распространенной в начальный период грамматической науки – все эти вопросы пока приходится оставить без ответа. Существует, однако, проблема, которую можно попытаться решить, а именно: какой принцип лежит в основе каждого из этих порядков?

Рассмотрим сначала “обычный” порядок. Согласно распространенной точке зрения (см. Pinborg 1975, 87; Hjelmslev 1935, 8-9), у греческих грамматиков не было какой-либо определенной концепции оппозиционных отношений между падежами. По мнению Ельмслева (см. также Robins 1974), наиболее удовлетворительным следует считать пространственное объяснение падежной системы, которое содержится в сочинении византийского ученого Максима Плануда. Ельмслев обнаружил у Плануда такое толкование падежей, при котором они представляются поочередно отвечающими на вопросы *πόθεν* (откуда?), *πού* (где?), *πῆ* (куда?). Таким образом, дательный падеж является немаркированным, а родительный и винительный маркированы соответственно идеей удаления и приближения. Эта теория, безусловно, не есть изобретение Плануда. Похожие соображения можно найти в схолиях к Дионисию, дошедших до нас под именем Гелиодора (VIII в.) (Sch. 549), и возможно, что данное объяснение восходит по меньшей мере к Аполлонию Дисколу, если не к более ранним авторам.

Кроме того, у Аполлония есть еще одна трактовка падежной системы, которая в принципе близка пространственной интерпретации. В одном месте в “Синтаксисе” Аполлоний рассматривает основные значения трех косвенных падежей, причем в последовательности “родительный – дательный – винительный”. Основной функцией родительного падежа здесь оказывается обозначение обладания: “совершенно ясно, что об *обладании* невозможно помыслить без родительного падежа” (“Синтаксис”

292). Что касается дательного падежа, его основное значение, по Аполлонию, - это значение приобретения: "Все, что обозначает *приобретение*, относится к дательному падежу (там же). Винительный же падеж, согласно трактовке Аполлония, указывает на действие, совершаемое во вред объекту (в отличие от дательного): "Фраза «я режу тебя» направляет действие *против объекта* и поэтому также содержит конструкцию с винительным падежом" (там же).

Итак, принципом выстраивания оппозиционных отношений между падежами является обозначение пользы действия для объекта: высшая степень (обладание) выражается родительным падежом, следующая степень (приобретение) - дательным, а низшая, или отрицательная (действие, направленное *против объекта*) - винительным. В основе такой классификации падежей оказывается семантический принцип.

Теперь мы попробуем найти объяснение второго типа падежной системы (родительный - винительный - дательный). Единственным источником здесь опять может служить лишь текст Аполлония Дискола, в котором мы, собственно и находим такую систему. Поскольку эта последовательность падежей появляется при описании глагольного управления, можно предположить, что она некоторым образом связана с отношениями между глаголом и именем.

Аполлоний, следуя, по-видимому, за стоиками, несколько раз интерпретирует оппозицию между прямым и косвенными падежами как оппозицию *активность / пассивность* (см. Pinborg 1975, 87). Более того, по его мнению, главным в отношениях между именем и глаголом является то, что имя обозначает активного или пассивного участника действия, а глагол - активность или пассивность самого действия ("Синтаксис" 12). Посмотрим, как в этом случае распределяются функции между падежами.

Родительный падеж присущ пассивным конструкциям ("Синтаксис" 290), в которых он обозначает *субъект* действия, т. е. *активного* участника. Винительный падеж обозначает *объект* действия, выраженного активным глаголом, т. е. *пассивного* участника действия (там же). Что касается дательного падежа, то его значение не соотносится с основной осью субъектно-объектных отношений: он никак не связан с главной функцией глагола -

обозначением активности или пассивности - и, таким образом, оказывается вторичным по отношению к родительному и винительному, которые, в свою очередь, противопоставлены друг другу по признаку активности-пассивности.

Итак, если в основе первой классификации падежных отношений лежит семантический принцип (выбор падежа определяется только значением падежной формы), то в основе последовательности “родительный - винительный - дательный” - принцип синтаксический. Падежная форма в этом случае выступает не сама по себе, а в ее связи с действием, которое выражается во всем высказывании. Исследователи возводят такую трактовку падежей к стоикам и соотносят ее со стоическим учением о типах предикатов (Pinborg 1975, 87). Прямо постулировать, что помещение винительного падежа вместе с родительным перед дательным также восходит к стоикам, было бы слишком смело, однако связь такого определения порядка падежей со стоической грамматикой не исключена.

Если данная гипотеза верна, то в славянском тексте мы встречаем уникальное отражение древнего учения об отношениях между падежами - учения, о котором после Аполлония не упоминается практически ни в одном из известных нам греческих грамматических сочинений.

Второй фрагмент текста, который также достаточно хорошо показывает близость славянского сочинения трудам Аполлония, содержит рассуждения о порядке частей речи, а именно, автор пытается ответить на вопрос, почему имя следует рассматривать перед глаголом (4b5-10). С его точки зрения, имя должно занимать самое важное место, потому что оно обозначает участника действия (активного или пассивного - **страждущаго или дѣйствиющаго**) и выступает в роли “основания”. Остальные же части речи следуют за именем, поскольку они являются лишь “оглаголаниями” имени. Сразу после имени должен быть помещен глагол, обозначающий активность или пассивность действия и, таким образом, представляющий собой основное “оглаголание” имени.

Идея о том, что порядок анализа частей речи не произволен, а обусловлен теми или иными причинами, высказывается практически во всех греческих грамматиках. Она неоднократно встречается в сохлжих к Дионисию, однако причина, по которой имя

должно предшествовать глаголу, определяется схолиастами совсем не так, как автором славянского трактата. По их мнению, имя важнее глагола, потому что имя обозначает сущность (οὐσία), а глагол - действие (πράγμα) или акциденцию (συμπερῆκός), а сущность должна предшествовать действию (см., напр., Sch. 71). Похожее объяснение предлагают и комментаторы “Канонов” Феодосия Александрийского (см. Херовоск I 105, Hilgard 1894; Софроний, там же, 376). Однако ни в одном из указанных фрагментов ничего не говорится ни об “оглаголании” имени, ни о значении активности и пассивности, заложенном в имени и глаголе. Следовательно, приходится считать, что славянский текст заимствован из совершенно другого источника.

В первую очередь, нужно определить, какой именно греческий термин передается в тексте словом **ωγлаголаник**. Ягич предположил, что **ωγлаголаник** представляет собой перевод греч. περίφρασις (Ягич 1896, 61). Однако такое выражение никогда не употребляется в греческих грамматиках (о чем, впрочем, сообщает и сам Ягич). С другой стороны, в славянской версии “Диалектики” Дамаскина есть один контекст, где **ωγлаголаник** соответствует греческому термину κατηγόρια (57b7-9). Кроме того, слово κατηγόρια в том же тексте часто переводится славянским **наньглаголаник** (30b1, 2, 3, 6; 36b8; 38a5, b1, 5 и т. д.; ср. κατηγόρειν = **наньглаголати** в 31a8; b1, 3, 5; 32a1-3, 8; b2, 5 и т. д.).

Если предположить, что и в нашем памятнике за слав. **ωγлаголаник** стоит греч. κατηγόρια, то у рассматриваемого нами фрагмента появляются прекрасные греческие параллели. Во-первых, - это стоическое определение глагола: “Глагол - это часть высказывания, обозначающая несоставной предикат (ἀσύνθετον κατηγόρημα)” (DL VII 57 = SVF III Diog. Bab. fr. 22). Предикативная функция глагола по отношению к имени (ср. **ωγлаголаник** **имень**) подчеркивается в одном из фрагментов Хрисиппа (SVF II fr. 184). О том, что стоическая трактовка глагола была известна византийским грамматикам, свидетельствует один фрагмент из “Грамматики” Псевдо-Феодосия (Феодора Продрома): “Глагол - это часть высказывания, обозначающая несклоняемый предикат (κατηγόρημα)” (17 Goettling = fr. 536A Hulser).

Итак, в греческих грамматиках встречаются два принципа, согласно которым определяется порядок частей речи. Первый

принцип - чисто семантический: имя обозначает сущность, глагол - акциденцию, сущность первична по отношению к акциденциям, и, следовательно, имя должно предшествовать глаголу. Этот принцип оказывается господствующим в сочинениях византийского времени.

Второй принцип можно определить как семантико-синтаксический. Части речи рассматриваются не каждая по отдельности, а как части высказывания, и, следовательно, между ними выстраиваются отношения синтаксической зависимости, которая трактуется как предикация. Этот принцип формулирует Аполлоний Дискол. "Порядок [частей речи] воспроизводит структуру законченного высказывания, совершенно справедливо располагая на первом месте имя, а после него - глагол" ("Синтаксис" 11).

В славянском трактате порядок частей речи определяется именно по второму - семантико-синтаксическому - принципу, и, таким образом, мы сталкиваемся с довольно удивительной параллелью между славянским сочинением XIV века и самыми ранними греческими грамматиками.

Теперь стоит обратиться ко второй части рассматриваемого фрагмента славянского текста (4b5-10). Каким образом в описание порядка частей речи попало рассуждение об активности/пассивности имени и глагола? Ягич (Ягич 1896, 61) приводит одну греческую параллель: в схолиях к Дионисию комментатор Стефан, объясняя, почему отглагольные имена имеют категорию залога, говорит, что "мы - люди - совершаем действия, обозначаемые глаголами, в качестве их активных или пассивных участников" (Sch. 243). Однако, если в этом замечании Стефана речь идет только об отглагольных именах, в славянском тексте все имена характеризуются как **име страждущаго или дѣйствующаго**. Кроме того, греческий комментатор в отличие от славянского автора никак не связывает определение залогов имени с порядком частей речи.

С другой стороны, данный славянский фрагмент очень близок одному утверждению Аполлония: "Имя обязательно предшествует глаголу, потому что *располагать* и *быть расположенным* - *свойство предмета* (а имена устанавливаются как раз для предметов), и отсюда происходит *главное свойство глагола* - я имею в виду *обозначение действия и претерпевания*" ("Синтаксис" 12). Таким образом, Аполлоний так же, как и славянский автор, распространяет понятие залога на все имена, а не

только на отглагольные, и, вводя категорию именного залога, объясняет с ее помощью, почему имя занимает в перечне частей речи первое место, а глагол - второе.

Итак, необходимо найти ответы на несколько вопросов. Во-первых, какой смысл вкладывает Аполлоний (а следовательно, и автор славянского трактата) в понятие залога имени? Во-вторых, почему залог характеризуется как главное свойство имени, определяющее его место в порядке частей речи? В-третьих, как связаны между собой категория залога и предикация (т.е. отношения между именем и глаголом)?

Прежде всего, стоит выяснить, какое значение у Аполлония имеет система терминов $\delta\acute{\iota}\alpha\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ “залог” - $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha$ “активный залог” - $\pi\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$ “пассивный залог”. Традиционное представление о залоге как о грамматической категории, выражающейся в тех или иных глагольных формах, - представление, которое встречается в “Грамматике” Дионисия и во всех последующих грамматических сочинениях, - никак не позволило бы говорить о залогах имени. Следовательно, Аполлоний должен трактовать это понятие иначе.

Некоторый свет на значение терминов $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha$ и $\pi\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$ проливает один контекст из “Синтаксиса”: “Почти все действия, исходящие от именительного падежа, устремляются к винительному, так что [в высказывании] предстает действующее лицо и лицо, получающее эффект действия, как, например, в конструкциях «я тебя деру», «я тебя бью»” (283). Как видно из этого фрагмента, “действующее лицо” ($\acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho\upsilon\omega\iota$) является субъектом действия, а “претерпевающее лицо” - объектом, основная же функция глагола заключается в выражении субъектно-объектных отношений. Таким образом, термин $\delta\acute{\iota}\alpha\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ в подобных контекстах обозначает не морфологическую категорию залога, а характер отношений между субъектом и объектом. В некоторых фрагментах (ср., например, “Синтаксис” 107) термин $\delta\acute{\iota}\alpha\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ относится к *имени*, а не к глаголу, глагол же лишь указывает на то “расположение”, в котором находится тот или иной участник действия - субъект или объект. “Именное” значение этого термина оказывается первичным по отношению к глагольному: залог глагола только отражает отношения между субъектом и объектом. Замечание Аполлония о том, что синтаксическая функция косвенного падежа вытекает из прямого падежа, а не из глагола, и что глагол всего лишь “оказывается”

(πίπτει) между субъектом и объектом (см. там же), показывает, каким образом из способности имени обозначать активное и пассивное лицо (т. е. субъект и объект) следует превосходство имени над глаголом. Представление грамматика о субъектно-объектных отношениях и об относительной роли имени и глагола в высказывании можно описать в виде следующей схемы:

Данная концепция, несомненно, взята Аполлоном из стоической теории языка. По-видимому, уже стоики обозначали одним и тем же термином, с одной стороны, субъект действия и активный предикат (ἐνεργητικὴ διάθεσις) и, с другой стороны, объект и пассивный предикат (παθητικὴ διάθεσις) (см. Pinborg 1975, 89).

Славянский текст примечателен тем, что в нем сохраняется древний принцип синтаксического определения частей речи, который считался практически исчезнувшим из греческих грамматических сочинений под влиянием традиции Дионисия Фракийского, ориентированной не на синтаксис, а на морфологию.

В третьем разделе диссертации («О восьми частях слова»: терминологические особенности и структура текста) предпринята попытка систематизировать наблюдения, сделанные при изучении текста трактата. Предваряет раздел небольшой словарь славяно-греческих терминологических соответствий, после чего высказываются некоторые предположения о структуре текста рассматриваемого памятника и о круге греческих сочинений, оказавших влияние на славянского автора.

Из наблюдений над особенностями тех или иных фрагментов текста складывается следующая картина. По-видимому, мы

встречаем здесь не компиляцию двух или нескольких равноправных источников, а единый текст с несколькими вставками из одного и того же источника. (1a11-16; 3b2-6; 5a20-23; 7a21-23; 8a1-2). Характерные особенности этих вставок таковы:

- 1) передача πτωβος как **падежь** при обычном падении;
- 2) передача греч. παρεπόχεια как **последыюща** при обычном **последствюща**;
- 3) употребление определенных конструкций, напр., конструкции **суть... N**.

Все вставки оказываются однородными не только в формальном, но и в содержательном отношении. Все они обнаруживают близость к тексту Дионисия, и почти все представляют собой списки акциденций той или иной части речи. Исходя из того, что одни и те же греческие термины по-разному передаются во вставках и в основной части текста, можно предположить, что автор цитирует славянский перевод греческого грамматического сочинения: если бы он переводил греческий текст самостоятельно, то скорее всего он бы унифицировал терминологию.

Основная часть памятника представляет собой совершенно единый текст, который, несомненно, написан одним автором. Сложно сказать, лежит ли в его основе один источник, или автор черпает свою информацию из нескольких сочинений. Единственное, что мы способны сделать, - это определить, к какому направлению греческой грамматической традиции принадлежит данный текст. Для этого в данном разделе приводится общий обзор греческих параллелей, выявленных в предыдущей главе.

Славянский текст обнаруживает следующие совпадения с греческими сочинениями:

1. Определение имени (1a20 - 21) напоминает определение этой части речи у стоиков и Аполлония Дискола. В то же время употребление в этом определении слова **существо** вместо первоначального ποιότης свидетельствует о том, что в данном случае мы сталкиваемся с позднейшей переинтерпретацией, типичной для сочинений византийского периода.

2. В самом начале текста (1a16 - 20; 1a21 сл.) автор говорит о разделении имен по родам и затем, разбирая акциденции имени, приводит примеры именных форм отдельно для каждого рода. Ту же функцию основной категории глагола выполняет залог. Такая

трактовка рода и залога как первичных категорий имени и глагола встречается у Аполлония Дискола.

3. Мнение автора о том, что артикль служит для различения рода (1b9-12; ср. 8b14 - 17), совпадает с мнением, весьма распространенным в ранней греческой грамматике (стойки [?], Трифон, Аполлоний Дискол) и неоднократно высказываемым византийскими авторами (Стефан, Феодор Продром).

4. Для необычного порядка падежей именительный - родительный - винительный - дательный - звательный (1b18 - 21 и далее) удалось найти только одну аналогию в греческой традиции - у Аполлония Дискола. Возможно, такой порядок восходит к стойкам.

5. При том, что разделение имен на собственные и нарицательные можно встретить практически у любого греческого автора, греческий аналог выражению *созна съставомъ* удалось пока обнаружить только в одном византийском тексте. Не исключено, что оно восходит к стойкам. Своеобразные примеры собственных имен среднего рода, приводимые славянским автором, свидетельствуют об отождествлении терминов *ἴδιον* и *εἰδικόν*, которое появляется в византийских грамматиках.

6. Трактовка “пресложного начертания” имени и глагола как составления их из трех частей (4a10 - 14; 6a11 - 16) обнаруживается лишь в поздних византийских текстах (Федор Продром, XII век).

7. Рассуждения автора о причинах, по которым имя следует разбирать перед глаголом (4b5 - 11), полностью совпадает с рассуждением по тому же поводу Аполлония Дискола. По-видимому, Аполлоний излагает в данном случае стоическое учение.

8. Термин *лице* употреблен в 4b17 сл. и в 8b14 - 17 в синтаксическом, а не морфологическом значении (т.е. *лицо* как участник действия, а не как глагольная категория, выражаемая теми или иными формами). Аналогичное употребление встречается у Аполлония Дискола.

9. Термин *изложеник* в значении глагольного наклонения (5b1 сл.) восходит, по-видимому, к греч. *διάθεσις*, употребляемому в этом значении Аполлонием Дисколом. Трактовка наклонения в славянском тексте напоминает трактовку этой категории в “Синтаксисе” Аполлония.

10. В славянском тексте встречается такое же смешение понятий наклонения и типа высказывания (5b2 - 6), как у Аполлония Дискола и стоиков.

11. Автор перечисляет типы высказываний (5b2- 6) в соответствии с перипатетическим учением.

12. Определение инфинитива как глагольной формы, лишенной значения лица и времени и не обладающей способностью к "изложению" (5b6 - 13; 5b22), напоминает утверждения Аполлония Дискола, повторяемые после него Херовоском.

13. Замечание о том, что инфинитив в некоторых конструкциях может получать значение личной формы глагола, в том числе и значение наклонения (5b13 - 6a1), соответствует некоторым рассуждениям Аполлония Дискола.

14. Категория лица глагола определяется в славянском памятнике (6b2 - 5) точно так же, как у Аполлония. Кроме того, похожие определения встречаются в некоторых византийских сочинениях (Херовоск, эротематы).

15. Дважды автор переходит к изложению в форме вопросов и ответов (6b3 и 5). Возможно, мы сталкиваемся здесь с влиянием греческих грамматик-эротемат.

16. Определение времени (6b9 - 12) очень близко тому определению, которое приводит Мосхопул. Не исключено, что его можно возводить к стоикам.

17. Будущее время разделяется на простое и "по мале бывающее" (6b20 - 21), как у Максима Плануда. Стоит заметить также, что у Максима Плануда обнаруживается выражение εἰς δύο διηρέθη, буквально соответствующее славянскому **въ двѣх дѣлит се**. Эта формула (**дѣлит се въ / на...N**) была не очень распространена в греческих текстах грамматического содержания, однако она постоянно встречается в славянском памятнике. Не исключено, что автор заимствовал ее из какого-то сочинения, близкого Максиму Плануду.

18. Этимология термина **паденик**, приводимая в 7b17 - 19, по-видимому, восходит к перипатетической школе.

19. Значения родительного падежа (7b7 сл.) автор определяет так же, как и Аполлоний Дискол.

Предпринятый во втором и третьем разделах диссертации анализ текста позволяет сформулировать некоторые общие выводы. Эти выводы приводятся в четвертом разделе диссертации:

Основная часть памятника обнаруживает удивительную близость грамматической теории Аполлония Дискола, которую принято считать мало популярной в средневековой Греции. Некоторые параллели между славянским текстом и сочинениями Аполлония уникальны: славянский автор порой воспроизводит такие идеи Аполлония, которые крайне редко встречаются в византийских грамматических трактатах (например, отличающийся от обычного древний порядок падежей; трактовка залога не только как глагольной акциденции, но и как отношения между субъектом и объектом в высказывании; употребление термина *διάθεσις* - **изложение** - в значении наклонения; отождествление наклонения с типом высказывания). С другой стороны, иногда автор славянского памятника интерпретирует тот или иной грамматический термин так же, как византийские грамматики позднего периода. Следовательно, можно предположить, что в основе главной части рассматриваемого сочинения лежит греческий текст (или тексты), возникший в XII - XIII вв. и ориентированный на учение Аполлония Дискола.

Те фрагменты трактата, которые мы считаем вставками, заимствованы из текста, близкого "Грамматике" Дионисия Фракийского. Хотя таких вставок относительно мало, тем не менее они определяют композицию славянского сочинения. По-видимому, именно эти вставки являются своего рода маркой жанра, к которому относится памятник, и не исключено поэтому, что название сочинения заимствовано из того же источника, что и данные фрагменты.

По-видимому, существует принципиальное различие между тем, как славянский автор передает теорию Аполлония, и тем, как он воспроизводит текст Дионисия. Хотя некоторые места в основной части рассматриваемого сочинения, написанной в традиции Аполлония, и похожи на кальки с греческого оригинала, тем не менее в общем автор чувствует в этой части относительную свободу: он позволяет себе значительно отступать от источников (что приводит порой к явным ошибкам - например, при перечислении акциденций артикля), предлагает собственные этимологии некоторых грамматических терминов и даже обращает иногда внимание на

отличие славянского языка от греческого. В то же время в тех фрагментах, которые восходят к “Грамматике” Дионисия, чувствуется сильная зависимость от источника: автор, по-видимому, буквально передает тот текст, который находился прямо перед его глазами, полностью сохраняя встретившиеся ему в этом тексте синтаксические конструкции и терминологию (поэтому в этих нескольких фрагментах мы находим иные варианты перевода некоторых греческих грамматических терминов: πτωίς передается как **падежь** при обычном **паденик**, παρρηόρενα переведено как **послѣдьюца** при обычной форме **послѣдствьюца**). Поскольку автор, очевидно, излагает теорию Аполлония по памяти, а сочинение Дионисия цитирует прямо по источнику (которым скорее всего служил славянский перевод “Грамматики” Дионисия), можно предположить, что традиция Аполлония была ему лучше известна.

Анализ славянского трактата “О восьми частях слова” позволяет также сделать некоторые выводы относительно судьбы античных теорий языка в Византии. В кратком обзоре греческой грамматической традиции, предложенном во “Введении”, говорилось о том, что, очевидно, “Грамматика”, приписываемая Дионисию, является не самостоятельным произведением, лежащим в основе особой традиции и оказавшим исключительное влияние на все последующее греческое языкознание, а представляет собой лишь конспективное изложение той же самой лингвистической теории, которую в более полном виде передает Аполлоний Дискол. Если “Грамматика” Псевдо-Дионисия служила элементарным школьным учебником, знакомившим учеников с основными грамматическими терминами, то вся содержательная часть теории языка черпалась из текстов Аполлония. Поэтому, например, византийские комментарии к Дионисию изобилуют цитатами из Аполлония. Славянское сочинение “О восьми частях слова”, явно ориентированное на учение Аполлония, свидетельствует о том, что по крайней мере в определенную эпоху (ок. XIV в.) на определенной территории, находившейся в зоне византийского культурного влияния, традиция Аполлония была известна даже лучше, нежели текст, приписываемый Дионисию.

По-видимому, особое внимание славянского автора к учению Аполлония Дискола далеко не случайно и связано не только со степенью популярности того или иного текста в Византии, но

обусловлено также достаточно глубокими причинами, внутренними для славянской науки. Перенимая у греков их теорию языка, славяне не могли просто переписывать греческие термины, не вникая в их значения. Если греческий грамматик, живший в поздней Византии, мог ограничиться только перекомпоновкой текста Дионисия, достаточно хорошо зная, какую историю имеет каждое грамматическое понятие и определение (что, кстати, в конечном счете стало причиной невнимания греческих ученых к тому смыслу, который стоит за этими понятиями), то славяне должны были в первую очередь обращаться к содержательной стороне грамматической теории - иначе они многого не поняли бы и в элементарной "Грамматике" Дионисия. По-видимому, прежде всего этим вызван особый интерес к сочинениям Аполлония и близких ему авторов, приведший к тому, что славянский памятник оказывается более близким древней грамматике, нежели известные нам византийские тексты, и сохраняет некоторые идеи древних авторов, которые, очевидно, уже были забыты византийцами.

Отдельные положения диссертации освещены в следующих публикациях:

1. Стоицизм и римская грамматика I в. до н. э. - *Диалог В культуре и истории*. Тезисы конференции молодых ученых. М., 1993.
2. Стоическая теория pathos - *Знаки Балкан*. Т. 1. М., 1994.

Подписано к печати _____ 1995 г.

Отпечатано в типографии ИНПА

Формат бумаги 60x90/16

Объем п.л.

Зак. 272 Тир. 100

